

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Свободные,
(НЕ) ЛЮБИМЫЕ
Эльвира Осетина

18+

Сводные оборотни

Эльвира Осетина
Сводные, (не) любимые

«Автор»

2023

Осетина Э.

Сводные, (не) любимые / Э. Осетина — «Автор»,
2023 — (Сводные оборотни)

«Извини милая, но тебе придется пожить тут некоторое время, пока я не найду нам защитника», – сказала мне мама, оставляя в интернате среди обычных человеческих детей. И было это десять лет назад. И теперь она вдруг позвонила мне и сообщила: «Ну всё дорогая, собирайся, приезжай, буду знакомить тебя со своим мужем!» Вот только меньше всего я ожидала, что мой отчим иногда бывает лохмат и воеет на луну, а еще у него есть взрослые сыновья, которые почему-то посмели положить на меня свой взгляд и загребушие мохнатые лапы. И это на меня! Чистокровную эльфийку! Дочь великого леса! Да как они посмели даже мысли допустить, что я опущусь до этих животных?

Содержание

Эльвира Осетина	5
Пролог	6
1 глава	9
2 глава	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Эльвира Осетина Сводные, (не) любимые

Эльвира Осетина
Сводные, (не) любимые

Аннотация:

«Извини, милая, но тебе придется пожить тут некоторое время, пока я не найду нам защитника», – сказала мне мама, оставляя в интернате среди обычных человеческих детей.

И было это десять лет назад.

И теперь она вдруг позвонила мне и сообщила:

«Ну всё, дорогая, собирайся, приезжай, буду знакомить тебя со своим мужем!»

Вот только меньше всего я ожидала, что мой отчим иногда бывает лохмат и воет на луну, а еще у него есть взрослые сыновья, которые почему-то посмели положить на меня свой взгляд и загребущие мохнатые лапы.

И это на меня! Чистокровную эльфийку! Дочь великого леса!

Да как они посмели даже мысли допустить, что я опущусь до этих животных?

Пролог

– Детка, хорош выпендриваться, – лениво протянул один из качков.

– Сколько? – спросил второй, прижав меня к капоту своей навороченной спортивной тачки.

Я плохо в машинах разбираюсь, тем более в их моделях, но уж обычную от спортивной могу отличить.

– Что сколько? Вы что, решили, что я шлюха? – зло выплюнула я.

– А разве нет? – удивился первый. – На трассе стоишь, голосуешь. Одета как шлюха.

– Да что бы вы в моде понимали, мужланы! – рыкнула и попыталась ударить с силой «второго» по яйцам, но реакция у него была будь здоров, и чел умудрился увернуться.

Еще и резко крутанул меня, уложив животом на капот, и руку больно вывернул, так что я зашипела от боли и негодования, а сам прижался к моей спине и заднице. Еще и движение сделал такое характерное, впечатывая меня своей тушей в машину.

– Эй, брат, полегче, помнешь еще тачку, я же только-только её купил, – весело рассмеялся «первый».

– Да она мне чуть яйца не отбила, – недовольно фыркнул «второй».

– Отпустите меня, идиоты! Я не шлюха! – процедила я, еле сдерживаясь, чтобы не начать уже материться во всё горло.

– Тогда что ты тут делаешь? – спросил «второй», наклонившись и прошептав мне на ухо, почти задев его острый кончик.

Почти... Ведь там была иллюзия, и кончика этого быть не должно.

И таким этот жест интимным получился, да еще и задел в моей душе странные нотки, о которых я даже не подозревала, что я неожиданно для самой себя ощутила легкое томление внизу живота.

А этот бугай вдруг начал принюхиваться, словно обычный пёс, как будто я чем-то воняла, а затем еще и высказался:

– Братан, да я ей нравлюсь.

И столько радостного ликования было в его голосе, что мне захотелось резко опустить его с небес на землю.

– Что? – чуть ли не заорала я. – С чего это ты взял? Ты себя вообще в зеркало видел? Урод!

– Девушка говорит, что ты лжешь, – усмехнулся «первый».

– Да ты сам её понюхай, – с обидой (как мне показалось) в голосе ответил второй.

Мля, он еще и обижается на меня?

Ну капец.

Я думала, что первый что-нибудь скажет, типа: «Иди ты», но нет, он реально подошел ближе и тоже начал принюхиваться прямо возле моих нижних девяносто.

Мать моя женщина! Они кто, вообще, такие? Нарики какие-то, что ли? Или из дурки сбежали? А может, грибов обожрались? Или что там сейчас богатенькие буратины кушают, чтобы глюки ловить?

– Хм, и правда слегка нравишься, – ответил «первый», заставив меня насторожиться и начать говорить иначе.

Плаксиво, как Фич учил. Чтобы прониклись сильнее. Глядишь, и правда отпустят.

– Слушайте, ребята. Отпустите, а? Я к маме еду. Она в Тупике должна жить. Это деревня такая.

– Что? Тупик? – переспросил «второй» изменившимся тоном голоса.

– Детка, ты ничего не попутала? – недовольно рыкнул «первый».

– Да с чего же я попутать-то что-то могу? Я блин, дура совсем, что ли? – огрызнулась я. – И вообще, пусти меня уже, руку больно! Могу сообщение мамино показать, если не верите!

– Пусти её, пусть показывает, – сказал «первый».

А «второй» еще сильнее (хотя куда уж сильнее-то) прижал меня к своей тачке и тихо на ухо сказал:

– Только без глупостей, а то я добрый до поры до времени.

Я в ответ лишь пренебрежительно фыркнула. Нашел чем пугать, пуганная уже, и не раз.

– Я предупредил, – добавил «второй» и, о чудо, развернул меня к себе лицом, даже слегка отошел в сторону, давая мне возможность достать телефон из рюкзака, что болтался на моём плече.

Очень сильно хотелось отвлечь этих двоих чем-нибудь и свалить, но эти качки перегородили мне дорогу, зажав меня у своей машины, так что бежать от них было попросту некуда.

Мысленно выругавшись на то, что я, дура, проспала свою остановку и теперь вынуждена с этими уродами тут объясняться, залезла в свой телефон и нашла сообщение от мамы, а затем повернула его экраном к этим двоим.

– Вот.

– Дай сюда! – вырвал у меня «первый» телефон прямо из рук и начал смотреть всю переписку.

Но я-то знала, что он там ничего интересного не найдет.

Мама, как и всегда, была очень лаконична.

– Хм-м, и правда, – нахмурился качок и с удивлением перевел взгляд на своего брата. – У нас что, кто-то новенький появился?

– А я почему знаю? – ответил тот. – Мы, вообще-то, если ты не помнишь, вместе не были дома уже больше пяти лет.

– Но мало ли, вдруг тебе Галя что-то рассказывала. Ты же с мелкой часто общаешься.

– Я с этой прилипалой не разговаривал с тех пор, как мы уехали, спецом заблочил её в социальных сетях, – хмыкнул «второй».

Первый же поморщился и, посмотрев на меня тяжелым взглядом, сказал:

– Ладно, садись в машину, поедem узнаем, где там твоя мама живет.

– Что? Опять за дуру меня принимаете? Да я с вами теперь никуда не поеду! Другую попутку подожду, – офигела я от их предложения и попыталась забрать свой телефон у «первого», но он поднял его повыше над головой.

Прыгать я, конечно же, не стала.

Знаю, как это по тупому выглядит, но на ногу с силой этому бугаю наступила и состроила тут же испуганную моську.

– Ой, прости, я случайно!

– Ну и дрянь, – процедил «первый» и кинул в меня моим же телефоном, еле поймать успела.

– Эй! Охренел? Он же мог разбиться! – крикнула я на идиота.

– Эта туфта стоит копейки, где ты вообще её откопала? – пренебрежительно высказался «второй».

– Для вас, может, и копейки, а для меня вполне нормальный и функциональный телефон, – пробурчала я, убирая телефон в сумку и вспоминая, сколько пришлось полов вымыть в подъездах, чтобы заработать на эту «туфту».

– Давай в машину садись, довезем с ветерком, – сказал «первый», потирая свою ногу.

Я же, мысленно злорадствуя, протянула:

– Ты глухой? Я же сказала, что никуда не поеду с вами.

– Поедешь, куда денешься, – хмыкнул «второй» и, открыв заднюю дверь машины, втолкнул меня внутрь, да с такой силой, что я еле успела голову пригнуть, лишь бы не удариться о крышу машины.

– Вот козел! – выругалась я, а этот псих уже запихивал мои ноги и закрывал дверь.

Я попробовала тут же сесть и открыть ее, но она, зараза, не хотела открываться.

Мне что-то стало не по себе.

Вот так вот меня еще никогда в машину не закидывали.

Первый со вторым сели на передние сиденья и резко дали по газам, отчего меня вжало в спинку сиденья.

Черт, как же вырваться-то теперь, а?

Ну и влипла ты, мать...

1 глава

Сколько я себя помню, вечно мы куда-то бежали и прятались.

Мама не рассказывала мне, почему и от кого мы прячемся, она лишь объясняла, что нельзя, чтобы кто-то понял, кто мы такие.

А мы были эльфами.

Чистокровными эльфами. Дочерями великого леса. Который я совсем не помню.

Мы были с мамой единственными эльфами на всей планете Земля. Почти единственными, если не считать наших преследователей, конечно же.

По крайней мере, так утверждала мама.

И я ей верила, потому что похожих на нас я ни разу не видела.

С помощью порталной магии мама смогла сбежать из своего мира на Землю с новорожденной мной и продолжала прятаться. Ибо по нашим следам пустили кровожадных наемников – дроу. Темных эльфов.

Как только мне исполнилось двадцать пять – первое совершеннолетие по меркам моей расы – и у меня открылась родовая магия, доставшаяся мне в наследство от отца, мама решила оставить меня в интернате для человеческих детей.

Выглядела я почти как местная четырнадцатилетняя девочка, если не считать некоторых мелких отличительных черт: длинных застроенных ушей, субтильного телосложения, слишком больших глаз и светящейся белой кожи. К тому же выросла я по меркам людей слишком медленно. А в пятьдесят лет и вовсе должна буду застыть и остаться такой навечно.

Почти навечно. По меркам людей, само собой.

Как поясняла мне мама, в свои пятьдесят я буду выглядеть как местная двадцатилетняя человеческая девушка.

Но мы всё же старели. Только очень-очень медленно. Моей маме было пять сотен лет, а выглядела она так, будто ей было не больше двадцати пяти.

Где-то к тысяче лет она, скорее всего, выглядела бы как местная тридцатилетняя девушка.

А вообще, эльфы могли доживать и до пяти тысяч лет.

Никакие болезни нас не брали благодаря внутренней магической защите.

А вот убить эльфа можно было.

Правда, сложно.

Достаточно отрубить голову.

Колотые раны, даже в сердце, нас не пугали. Конечно, они для нас были очень болезненными, но в течение двух дней мы могли полностью восстановиться.

Проверено на себе лично.

Как и отрачивать потерянные конечности.

На это только уходило больше времени. Как-то я лишилась пальца, и на его восстановление у меня ушло больше месяца.

Тогда я была еще слишком юной и не всегда успевала реагировать на опасности, поэтому и получала от милых детишек, с которыми жила в интернате.

Моя магия позволяла мне скрываться от тех, кто заведовал интернатом, ведь я владела магией иллюзий и умела надевать любые личины, но сначала я еще плохо её контролировала и не ожидала, что настоящую опасность представляли не взрослые, а как раз дети.

На адаптацию в новых для себя условиях у меня ушло больше года.

И опыт этот был ужасным.

Много раз я думала уйти оттуда, но останавливало то, что я не представляла, как буду выживать вне стен интерната. Здесь поят и кормят. Есть где помыться, поспать. И даже одевали детей очень даже неплохо.

Короче говоря, абсолютно все условия для жизни.

Конечно, если не считать детей, пытающихся тебя либо избить, либо изнасиловать, либо и вовсе убить.

Но благодаря этому опыту, магией иллюзий я овладела в совершенстве.

И если поначалу пользовалась ей от силы три раза в день, чтобы воспитатели не заметили во мне чужачку, то через год я научилась держать иллюзию даже во сне.

Иллюзию моего полного отсутствия.

Да-да, я научилась качественно прятаться.

Драться я не умела, физически была довольно слабой, слишком худая, слишком тонкокостная, но вот делать вид, что меня вовсе не существует, или изображать другого человека (дети часто сбегали, и можно было пользоваться их личинами), но при этом получать свою еду, одежду и койко-место – это без проблем.

Конечно, мама не отправила меня в свободное плавание без обучения.

Она рассказала мне подробно, как пользоваться своей магией и в теории, и на практике. Мы тренировались с ней целый год.

И только лишь после этого она уехала искать нам дом и защиту.

Пару раз в месяц мама отправляла мне магический вестник, в котором подробно рассказывала о том, где была этот год и что делала, а я в ответ рассказывала ей о своей жизни.

Мама давала мне советы и всегда напоминала о том, чтобы я помнила, кем являюсь, и ни в коем случае ни с кем не заводила близких отношений, ибо не пристало дочери Великого Леса со всякими низшими даже близко общаться, не то что думать о чем-то другом. К тому же люди могли рассказать о том, кто я, нашим врагам, у которых магия на более высоком уровне, и тогда нас обеих убьют.

Вот так я и жила.

В полном одиночестве.

Часто, порой раз в неделю, создавая себе новую личину. Или вообще надевая отвод глаз.

Ни друзей, ни близких. Только редкие переписки с мамой.

И единственное, чем я могла довольствоваться, – это подглядывание за другими.

Поначалу я считала себя невероятно крутой, ведь у меня, в отличие от бездарных людишек, была магия, и поэтому я несколько раз серьезно была ранена.

После этих увечий и пяти лет жизни в интернате я научилась уважать и бояться тех, кто меня окружал.

И что бы ни говорила мне мама про «жалких людишек», я вдруг осознала, что мы с ней более жалкие, чем они.

Время шло, я выросла и понимала, насколько сильно я одинока.

Больше того, я начала завидовать тому, что даже в таких условиях выживания взрослеющие и никому не нужные дети создавали самые крепкие союзы.

Здесь, в интернате, было именно так.

Если ты не научишься любить и доверять тому, кто рядом, ты просто не сможешь выжить.

Поэтому, наверное, все эмоции у детей были утрированы. Если ненависть, то лютая, если любовь, то до гроба.

Здесь страсти кипели почище всяких мелодрам, которые мы иногда смотрели, собираясь всей гурьбой перед сном у телевизора в общем зале для игр.

Взрослым по большей части было плевать на подростков. И в межличностные конфликты они почти не вмешивались.

Их задача была накормить, одеть, помыть, отправить в больницу, если заболел, или в школу на учебу, а дальше дети были предоставлены сами себе.

Даже тех, кто сбегал, они не искали. Вернулся – и ладно, живи дальше. Не вернулся – ну и бог с тобой. У нас таких, как ты, еще пять сотен человек, надо, чтобы они были одеты, обуты, умыты. Всё. Дальше сами как-нибудь.

Через семь лет жизни я начала жалеть малышей или тех, кто попал в интернат из тепличных условий, враз лишившись всех родителей. Потому что хоть и была уже взрослой (все же двадцать пять по меркам людей уже прожила), но всё равно понимала, что я почти такая же, как они.

Враз лишилась мамы и более-менее нормальных условий для жизни.

И поэтому иногда защищала их от местных.

Но быть с ними рядом слишком долго я не имела права, ведь я не выросла физически, поэтому постепенно мне приходилось уходить в тень и прощаться с ними навсегда.

Сама не понимаю, зачем это делала. Наверное, чтобы не сойти с ума от одиночества. Не иначе.

А может, просто решила взять под своё покровительство «жалких людишек».

Так я порой успокаивала себя.

Ведь я дитя Великого Леса, и не пристало мне опускаться до них...

Но порой было так тоскливо, что хотелось хоть какого-то общения.

И привязывалась к ним, как бы мне ни хотелось этого избежать.

Позже я продолжала присматривать за детьми, уже маскируясь под другой личиной.

Так я случайно обростала друзьями, хотя эти друзья и не подозревали об этом. Но зато уже не чувствовала такого сильного одиночества.

И вот настал час икс, мама наконец-то нашла нам дом и защиту. Точный адрес она скинула мне в смс-сообщении на мой новенький телефон, который я заработала честным трудом.

Можно было, конечно, его и украсть, тем более что для меня это не представляло никакой опасности, но не пристало заниматься воровством дочери Великого Леса. Поэтому я устроилась в местный ЖЭК полумойкой и драила подъезды.

Для дочери Великого Леса работать своими руками было не зазорно, а даже почетно.

Мама рассказывала, что всех, кто работал руками, очень уважали.

Тем более что я ничего толком и делать-то не умела.

В школу я не ходила, ибо все знания я уже получила и мне было бы там скучно, а других заведений для интернатовских детей никто не предлагал.

Может, среди людей мыть полы и считалось чем-то зазорным, но я помнила мамины рассказы и гордилась тем, что сама что-то делаю. Даже такие несложные вещи, как мытье полов.

Хотя на деле, конечно, не такими они и «несложными» оказались. Но благодаря этой работе я стала очень выносливой.

Устроилась совершенно случайно. Просто подслушала разговор одной пьяненькой женщины, которая не хотела работать и собралась уезжать из города с каким-то мужчиной. Заходить в ЖЭК она не стала, чтобы сказать, что увольняется, и у меня появился шанс на легальную работу.

Я надевала её личину и трудилась.

И мне еще и зарплату выплачивали ежемесячно.

Благо карту я указала свою. А им там пофиг было, чья карта. Лишь бы работа выполнялась вовремя.

И вот после маминого звонка я отправилась в путь.

Пришлось добираться целую неделю до странной деревеньки под названием Тупик. И под конец пути я настолько сильно устала, что уснула и проспала свою остановку. От неё, как пояснила мне мама, всего пять километров пешком до Тупика.

Она скинула мне координаты на карте.

Покинуть деревню и приехать за мной мама не могла, боялась, что может случайно попасться на глаза нашим врагам и еще и на меня их вывести. Поэтому мне предстояло добираться одной, еще и не самым удобным транспортом.

И это мягко сказано.

Иногда приходилось даже стоя ехать несколько часов.

Короче, я настолько вымоталась, что уснула. А когда проснулась и проверила свой навигатор по телефону, поняла, что уехала черт-те куда.

Поэтому пришлось быстро просить водителя остановиться и выпускать меня. А затем искать попутку.

И надо же было мне нарваться на этих двух психов!

Я и не думала, что они первые притормозят. Да еще и спросонья не успела подумать о своей внешности и как-нибудь её переделать под какую-нибудь страшилку. Чтобы такие вот индивидуумы не принимали меня за женщину легкого поведения.

А они остановились, еще и приставать начали и гадости всякие говорить. Я и растерялась, не понимая, как себя вести. А точнее, включила уже своё обычное поведение. Слишком много лет я провела в интернате, а там нельзя было давать спуску. Нельзя быть слабым, иначе загрызут.

Хотя понимаю, что надо было как-то изначально сбавить обороты, но не получилось. Не готова я была к такой встрече, да еще и организм мой повел себя очень странным образом.

Я никогда в жизни не испытывала подобного влечения.

Нет, я знала, что оно существует. Но у меня его никогда не было. За все мои тридцать пять лет!

Никогда!

Я видела, что взрослые подростки в интернате уже не только кино для взрослых смотрели, но и сами сексом занимались, особенно по ночам. И слышала их разговоры о том, как им это нравится.

Но, повторяюсь, никогда ничего такого не ощущала сама.

Мама когда-то говорила, что мы – дети Великого Леса – находим себе пару на всю жизнь. И только с ней испытываем влечение.

Больше ни с кем и никогда!

Я, даже стыдно вспомнить, сама пробовала хотя бы поцеловаться с Фичем – парнем, с которым продолжила общение, даже когда он ушел из интерната и ему исполнилось уже восемнадцать.

Но, кроме неловкости, вообще ничего не ощутила и поняла, что, скорее всего, хоть что-то ощутить я смогу с себе подобным, а точнее, с эльфом.

Просто люди – другие существа. Как мама меня и предупреждала. Они низшие. И ничего, кроме отвращения, мы не должны к ним испытывать.

А сегодня я ощутила.

И это для меня было шоком.

И вот теперь еду со скоростью света не пойми куда и не пойми с кем.

И трясусь от страха, потому что не представляю, как буду от них сбегать.

Но вскоре один из них достал свой телефон и начал кому-то звонить. А я наострила свои острые уши.

– Ага, здорова. Да, едем. Скоро будем. Угу... Ага. Норм. Слушай, тут девчонку одну на дороге прихватили, говорит, что к нам едет. Чего? Тебя как звать? – Он обернулся и требовательно на меня посмотрел.

– Таиси... я, – кое-как вспомнила я своё человеческое имя. От страха чуть настоящее не ляпнула, хоть и не пользовалась им черт-те сколько лет.

Качок с удивлением приподнял бровь и спросил уже в трубку:

– Она?

Затем какое-то время молчал, выслушивая того, кто говорил ему на том конце, при этом продолжая на меня пялиться, и в конце концов, усмехнувшись, сказал:

– Понял. Значит, скоро будем.

А затем обернулся к своему брату и спросил:

– Всё слышал?

– Ага, – ответил тот, чем сильно меня удивил, потому что я вообще ничего не услышала.

А мужчина, повернувшись ко мне, добавил: – Ну здравствуй, сестренка.

– Чего? – приподняла я брови от удивления.

– Мама твоя за нашего отца замуж выскочила, – пояснил мне первый.

– Если это шутка, то вообще не смешная, – процедила я, раздражаясь.

Потому что мама точно не могла выйти замуж за человека. Это безумие какое-то.

Она сказала, что нашла нам защитника и покровителя. Я и подумать не могла, что она решит замуж за него выходить!

Да это же... просто...

– Нет, я в это не верю! – почти выплюнула я.

– Нет, это не шутка, – хмыкнул первый, иронично улыбаясь, чем еще сильнее меня разозлил, так и захотелось расцарапать ему лицо, а он, не подозревая о моих планах, продолжил: – И да, давай знакомиться, сестренка. Меня Тимофей звать, а брата моего – Никита.

Второй повернулся и подмигнул мне, а я так и сидела, пытаюсь переварить эту новость, не в силах хоть что-то сказать.

У меня просто в голове не укладывалось, что мама после всех наших разговоров о том, что люди вообще не достойны даже нашего мизинца, выходит замуж за человека.

Если бы я тогда узнала, с кем она на самом деле заключила брак, то уже сейчас выпрыгнула бы из машины на полном ходу.

Но так как я этого не знала, то просто решила, что, скорее всего, это какой-то её очередной план и, когда я приеду, она всё мне объяснит.

Эти мысли меня более-менее успокоили, и я даже выдохнула от облегчения.

Потому что то, о чем мне говорят эти двое, – чушь собачья.

– В принципе, я отца понимаю. Если твоя мать такая же горячая штучка, как и ты, то я бы тоже повелся, – протянул тот, что назвался Тимофеем.

А второй небрежно добавил:

– Очередная охотница за наследством.

Я аж задохнулась от злости.

– Чего? – выпалила, не сдержавшись. – Совсем офигел? Да если это правда, ваш отец должен ноги моей маме целовать, что она снизошла до того, чтобы позволить ему называть себя своей женой! И да, денег у нас полно! Нам ваши жалкие копейки вообще не нужны!

Конечно, не здесь, в этом мире, а в нашем... но все же они точно есть! Я знаю, мама рассказывала! И, само собой, эту информацию я не собираюсь им говорить.

– «Снизошла», «ноги целовать», – протянул насмешливо Никита. – Ты кто, филолог, что ли? Откуда слов таких умных нахваталась?

– Книги читаю! – огрызнулась я. – И тебе советую!

– Книжный червь? – выгнул свою бровь Тимофей. – Ни за что бы не подумал. Выглядишь как шалава подзаборная...

– Сам ты червяк! И шалава подзаборная! – процедила я сквозь зубы и как можно пренебрежительней фыркнула, показывая своё отношение к обоим качкам.

Небось из зала вообще не вылезают. Все мозги мышцами заплыли.

– Эй, сестренка, полегче, – ответил мне мужчина, заставив поежиться от своего грубого тона. – Я ведь могу и наказать за плохое поведение.

– Тебе меня можно обзывать, а я должна в ответ молчать? – криво усмехнулась я, уже прекрасно понимая, к чему ведут эти двое.

Знала я таких и видела.

Думают, что хозяйева жизни и имеют право гадости говорить всем подряд.

– Женщине позволено открывать свой рот только в постели, а её словарный запас должен быть примерно таким: «О да, дорогой! Трахни меня еще и еще...» – подражая актрисам из порнофильмов, почти пропел высоким голосом Никита.

– Фу! Какой ты гадкий, – скривилась я и отвернулась, не желая больше общаться с этими извращенцами.

– Ой-ой, какие мы нежные, – фыркнул он в ответ и добавил уже явно не мне, а брату: – Папаша наш обожает всяких дур находить, падких на его бабки. Лапшу им на уши вешает, но забывает указать один нюанс. – Он сверкнул на меня своими красивыми глазами и, опять отвернувшись, чтобы следить за дорогой, сказал: – Все его бабки достанутся нам. Его сыновьям. Мы его единственные наследники. И да, больше у него детей нет и не будет.

Я же в этот момент могла лишь молиться Амельсете – богине, что помогла маме открыть врата в другой мир и сохранить нам жизни в новом для нас месте, – что всё это ошибка и какой-то хитрый план, чтобы в очередной раз нас спасти. И этих двоих мне надо просто потерпеть немного так же, как я умудрилась целых десять лет терпеть жизнь в интернате.

Жаль, в этом мире сила Амельсеты была ограничена и мама уже не могла так же спокойно открывать порталы на Земле. Но мы верили, что богиня продолжает за нами наблюдать и скрывать от преследователей, ведя нас особым путем, только ей одной ведомым.

Да, он непросто и тернист, но только так мы сможем с мамой выжить и однажды вернемся обратно в наш Великий Лес.

Эти мысли немного примирили с действительностью и успокоили меня.

Качки всего лишь попутчики. Как водитель автобуса, они доставят меня до места, и я их больше никогда не увижу.

У меня настолько настроение повысилось, что я непроизвольно заулыбалась. Естественно, Тимофей, которому, видимо, совершенно нечем было заняться, постоянно оглядывался на меня и заметил мою радостную улыбку.

– Эй, ты чему там улыбаешься, Таиси? Что-то интересное увидела? – спросил он, зачем-то назвав сокращенную версию моего имени. Так меня имела право называть только мама.

С моего лица тут же сошла улыбка, и я, стараясь напустить как можно больше холодных ноток в свой голос, с достоинством ответила:

– Моё имя Таисия!

– Хм-м... – На лице Тимофея появилась коварная усмешка. – А мне кажется, что тебе больше подойдет Тая. По-моему, отличное имя, да?

Я заскрежетала зубами. Так сокращать имя может только истинный! Мне мама рассказывала!

– Та-и-си-я! – процедила я по слогам и добавила: – Ты что, совсем глухой?

Вместо того чтобы исправиться, этот невыносимый качок посмотрел на своего брата и спросил у него с умным видом:

– А ты что думаешь, братан? Та-я... М-м-м, конфетка сладкая, – он умудрился пропеть эти три буквы таким хриплым и мягким голосом, что у меня внизу живота опять потеплело, и я непроизвольно крепче сдвинула колени.

Никита повернул голову, посмотрел на злющую и одновременно озадаченную меня, иронично усмехнулся и ответил:

– Думаю, что ей больше подойдет «колючка». Смотри, как иголки распушила, того и гляди сейчас все в нас выпустит.

– Это всё от недотраха, – ответил Тимофей и продолжил со знанием дела: – Помнишь ту заучку из университета?

– Та очкастая и вечно зализанная мегера, которая старостой нашей была? – уточнил у него брат.

– Она самая, – кивнул мужчина. – Злющая, как не знаю кто. Но стоило мне её в библиотеке в темном закутке к стеночке прижать да трахнуть как следует, так сразу же потом ласковая, как кошечка, стала.

– Серьезно? Ты её трахнул? Да ладно! Ну ты даешь... То-то, я смотрю, она тебе потом без разговоров списывать давала. Ну ты и лис!

Эти пошлые мерзкие разговоры показались им обоим невероятно смешными и веселыми, и они оба заржали как ненормальные.

Мне очень сильно хотелось высказать им, что они ведут себя как похотливые подростки, но тут я резко себя остановила, задумавшись.

А какого черта я так реагирую, вообще? Что со мной происходит?

Я даже в интернате раз в сто спокойнее была и на детские подколки вообще никогда внимания не обращала, разве что первый год, когда притиралась. Но потом-то уже прекрасно понимала, что дети есть дети и их ничто не исправит. Они всё равно будут меня подкалывать, чтобы вывести на эмоции. А еще лучше на драку.

А сейчас что происходит?

Мне по человеческим меркам тридцать пять лет! А я веду себя так, будто всё еще подросток.

Да, мама говорила мне, что в Великом Лесу дети эльфов выросли медленно, так как были постоянно опекаемы родителями или взрослыми родственниками.

И где-то до тридцати лет вообще считались несовершеннолетними. И даже после тридцати мало на что имели права.

Но здесь-то мир другой, и воспитание у меня уже было совсем иное.

Да, мама печалилась, что мне приходится слишком быстро взрослеть, но мне казалось, что этот процесс, наоборот, идет очень долго.

В мои тридцать пять люди уже по двое-трое детей имеют, высшее образование, работу и уважение в обществе. Да я и сама задумывалась о детях и о том, как бы я их воспитывала, поэтому на автомате жалела малышню и всячески их опекала, считая себя уже взрослым и разумным существом.

А я тут сижу и, как подросток, пререкаюсь и реагирую неадекватно на тупые шутки каких-то мужланов.

Может, это всё из-за усталости? Просто я слишком много времени провела в пути, еще и остановку свою проспала, вот и результат?

Так, ладно.

Пусть называют, как хотят, думают, что хотят, болтают, что хотят.

Главное, чтобы до места доездили, и я наконец-то увижу маму, и мы спокойно заживем.

Теперь уже под защитой.

И я не буду каждый раз оглядываться, ходя по улице...

Никита с Тимофеем наконец-то отсмеялись и, заметив, что я больше никак не реагирую, успокоились.

Я уж решила, что остаток пути мы проведем спокойно, без эксцессов, как случилось то, чего я меньше всего ожидала.

Мы ехали по трассе, парни включили громкую музыку, какой-то тяжелый рок, и я даже почти задремать успела. Я всегда под тяжелый рок спала в интернате. Только так можно было

заглушить звуки, доносящиеся с других коек, ибо дети и сон – это вообще что-то невозможное. Вот и приобрела я себе дешевенький «МП-тришник», накачала туда тяжелой рок-музыки и только так засыпала.

Так вот, только я прикрыла глаза, и тут машина резко вильнула влево, отчего я пребольно ударилась головой о стекло, а затем вправо и, встав на два колеса, перевернулась, упав прямо в кювет у дороги.

2 глава

Музыка продолжала громко орать, а у меня, походу, случились самые настоящие галюны, как говорил Фич, когда обкуривался, видимо от удара головой.

Потому что оба парня резко обросли шерстью, превратились в здоровенных серых волков и выпрыгнули из машины. Один из них лапой оторвал дверь с моей стороны, вытащил меня из машины, зубами схватив за рюкзак, который я так и не сняла со своего плеча. Все же в нем была вся моя жизнь: сменное нижнее белье, запасная куртка, немного косметики, документы и деньги.

Волчара продолжил тащить меня куда-то в лес, тогда как второй вообще исчез из виду.

А затем он и вовсе накрыл меня своим здоровенным мохнатым телом, придавив к земле, еще и грозно рыкнув, чтобы я не двигалась, и в этот момент раздался взрыв.

Нас обоих обдало жаром, волк взвизгнул и отрубился, уже полностью навалившись на меня своей тяжелой тушей.

Кажется, я тоже отключилась на несколько минут, потому что очнулась тогда, когда поняла, что тяжеленная туша с меня исчезла, мне стало легче дышать и кто-то облизывает мне лицо.

Кое-как взмахнув рукой, я убрала от себя наглую морду и, открыв глаза, в шоке уставилась на настоящего волка.

Только здорового, блин...

Я и не знала, что они настолько огромные бывают.

Как теленок!

На автомате попробовала отползти от него, но услышала чье-то поскуливание.

Повернув голову, поняла, почему так сильно пахло палёной шерстью и поджаренным мясом.

– Богиня, – прошептала я одними губами, увидев обожжённую спину волка, который меня вытаскивал из машины и защищал своим телом.

Второй же, тот, что меня облизывал, подбежал к первому и начал зализывать его раны.

А я просто не понимала, что происходит.

Где парни, что меня везли? И что вообще случилось?

Голова всё еще кружилась, и меня подташнивало от удара, еще и что-то мешало, какая-то вода лилась на глаза.

Я стерла на автомате эту воду и, когда посмотрела на руку, поняла, что это кровь.

Осторожно потрогала свою голову и лоб. Так... похоже, голову я разбила и кровь лилась из раны.

Второй волк, посмотрев на меня пару мгновений, продолжил зализывать раны своего кого... ну не брата же?

Я осмотрелась вокруг и поняла, что машина, кажется, находится дальше, чем изначально, и продолжает гореть. И еще одна тоже лежит недалеко от нашей и полыхает. А рядом с ней куча крови.

Я не сразу сообразила, что это за кровь, пока не заметила чью-то оторванную руку, лежащую рядом.

И чем-то сильно меня смущала эта самая рука.

Мозг работал плохо, и поэтому я решила подойти поближе и понять, что же с ней не так.

Встать не получилось, поэтому я поползла на четвереньках, волк недовольно заворчал на меня, но отвлекаться от спины своего сородича не стал и продолжил усердно её зализывать.

Местные говорили, что собачья слюна лечебная и, когда собаки зализывали друг друга раны, они вроде как не воспалялись и быстро заживали.

Не знаю, относится ли это к волкам.

Надеюсь, что да.

Ибо я сейчас помочь ему абсолютно ничем не могла.

Я вообще пока не понимала, правда это волки или у меня всё же галлюцинации. Я ударила головой так, что вырубилась, вот мне и причудилось то, что я увидела.

Потому что как люди могли превратиться в животных – я не знала...

Нет, я видела местные фантастические фильмы об этом, но все вокруг уверяли, что это сказки.

Ладно, об этом я подумаю чуть позже, сейчас меня интересовала та самая оторванная рука.

На четвереньках я все же доползла до неё и уставилась на черные пальцы.

Кольцо, что было надето на средний... Точнее, печатка с рисунком.

Этот рисунок показывала мне мама. Я знала его почти с рождения.

Это наши враги. Те, что преследовали нас.

Орден наёмных убийц и отступников.

О богиня... это они на нас напали?

Но оторванная рука еще ничего не значит! Он же может восстановиться!

Я проследила за кровью и заметила еще части тела: руку и ногу. А затем и всё тело. Только с головой и оставшейся одной ногой.

Подползла ближе к нему и увидела, как дроу – наш извечный враг – открыл глаза и что-то шепчет.

Не став дожидаться, когда он наложит на меня проклятье, нашла рядом камень и заткнула его рот булыжником.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.